

Шэнь Мо ничего не оставалось, кроме как, подхватив Гу Цы, дотащить его до своей квартиры на верхнем этаже.

Пьяный человек оказался неожиданно тяжелым. Шэнь Мо приложил палец Гу Цы к сканеру, чтобы открыть дверь, но когда попытался бросить его на кровать, тот вцепился в него намертво и потянул за собой. Шэнь Мо, повалившись рядом, решил, что отдохнет пару минут и уйдет.

Он никак не мог взять в толк: человек, который еще минуту назад готов был лезть в драку, мгновенно вырубился.

Гу Цы, пребывавший в алкогольном тумане, болезненно поморщился и начал медленно сворачиваться калачиком. Шэнь Мо решил, что того мутит от выпитого:

— Хочешь, отвезу тебя в больницу?

Гу Цы, не открывая глаз, покачал головой:

— Не надо в больницу.

Он крепче обхватил себя руками:

— Мне холодно.

Холодно? Как может быть холодно в апреле, когда даже ветер кажется теплым? Но раз он говорит, что мерзнет, Шэнь Мо встал, укрыл его одеялом и приложил тыльную сторону ладони ко лбу:

— И не горячий вовсе.

Гу Цы, продолжая сжимать край одеяла с закрытыми глазами, пробормотал:

— Пить хочу.

Шэнь Мо поспешил на кухню, но обнаружил, что вся минералка в холодильнике ледяная, а давать ее человеку, который и так продрог, было плохой идеей. Он перелил воду в чайник и включил его. Через несколько минут вода вскипела, и, разбавив ее холодной, чтобы не обжечься, Шэнь Мо вернулся в комнату.

Человека на кровати не было.

Он поставил стакан и начал поиски. Куда он мог деться? Проверил ванную, гостиную — пусто. И тут он увидел его на террасе.

Шэнь Мо бросился туда, чувствуя, как леденеет сердце: Гу Цы уже наполовину перевалился через перила. Если упадет — точно проломит голову, превратится в груды кровавого месива,

как разбитый арбуз, и умрет на месте. Шэнь Мо не хотел снова становиться свидетелем самоубийства. В прошлый раз это был тот же Гу Цы.

Он подлетел к нему, вцепился в одежду и оттащил в безопасное место, после чего влепил звонкую пощечину:

— Из-за того, что тебя кто-то облапал, стоит лезть в петлю?

Гу Цы прижал ладонь к пылающей щеке, и хмель как рукой сняло:

— Кто тут лезет в петлю?! Я просто хотел выкурить сигарету, а зажигалка вылетела за перила, я ее достать пытался!

Шэнь Мо нахмурился:

— Так руку бы протянул, зачем всем телом-то лезть?

Он подошел к краю, поднял зажигалку и швырнул ее в Гу Цы.

И правда, — Гу Цы заморгал, обдумывая ситуацию. Видимо, алкоголь совсем затуманил разум, раз он совершил такую глупость.

Он посмотрел на Шэнь Мо, который раздулся от злости, как рыба-фугу, и тихо сказал:

— Прости. И спасибо.

Один сидел на полу, другой стоял над ним — в точности как семь лет назад.

В тот год Гу Цы узнал, что отец ему изменяет и у него есть ребенок на стороне. Отец хотел привести любовницу с внебрачным сыном в дом, мать была категорически против, в семье начался ад. Мать пошла просить помощи у деда, но тот лишь отмахнулся — у самого деда помимо любовницы были еще «четвертая», «пятая», «шестая»... Впрочем, дед никогда не позволял им устраивать скандалы в доме, считая, что молодые должны разбираться со своими проблемами сами.

Родители превратились во врагов, а Гу Цы стал для них обоих боксерской грушей. В те времена он не хотел жить. Он обругал заявившуюся в дом любовницу и ее ребенка, за что отец его избил. Мать не вступилась — она смотрела на него с ненавистью и бросила в лицо: «В вашей семье Гу нет ни одного нормального человека».

Раньше мать гнобила его только за плохую учебу, а отец успокаивал: «В семье Гу полно денег, даже если ты не учишься, тебя будет кому содержать. Посмотри на меня — я же живу». Вот он и жил, не особо задумываясь о завтрашнем дне.

А теперь, глядя на решимость матери и на отца, он понял: жизнь — бессмысленная штука. Он

побежал на крышу школы, чтобы прыгнуть вниз, но там его настиг староста класса Шэнь Мо, который потребовал сдать домашку по химии.

Он стоит на пороге смерти, а этот требует задание! Мир просто катился к чертям. Гу Цы решил прыгнуть, но Шэнь Мо с силой дернул его назад, да так, что он больно ударился спиной.

Стояло жаркое лето. Шэнь Мо заслонил собой солнце, излучая ослепительный свет, и протянул ему руку. Он выглядел как ангел-спаситель, жаль только, что у ангела был острый язык.

— Если собрался умирать, сначала сдай химию!

Гу Цы в отчаянии колотил землю:

— Химия, опять химия, только об этом и думаешь! Умру — сожги мне тетрадку, я там допишу и приду к тебе во сне!

Шэнь Мо на секунду замолчал. Он искренне не понимал: неужели так трудно сделать домашку? Каждый раз, когда он просил Гу Цы сдать задание, тот вел себя как идиот, но сегодня он был серьезен. Если бы не он, Шэнь Мо стал бы свидетелем самоубийства. И как бы он тогда объяснял полиции, что довел человека до петли из-за домашнего задания?

Он вдруг сказал то, чего от него никто не ожидал:

— Если будешь давать списывать, перестанешь пытаться убить себя?

А? В его темном, рушащемся мире вдруг забрезжил луч света. Гу Цы немедленно согласился:

— Староста, ты сам это сказал!

Шэнь Мо кивнул:

— Да. Слово мужчины — тверже камня.

Гу Цы вскочил на ноги, отряхнул пыль с брюк и схватил Шэнь Мо за руку:

— Договорились!

Шэнь Мо брезгливо отдернул руку. Гу Цы, у которого кожа была толще, чем у слона, не обратил внимания на гримасу Шэнь Мо и поплелся за ним следом:

— Староста, не вздумай отказываться от своих слов!

Когда они шли по лестнице вниз, Шэнь Мо обернулся. Гу Цы стоял в полумраке лестничного пролета: на губах улыбка, а в глазах — невыразимая тоска. Все колкости, которые Шэнь Мо хотел высказать, застряли в горле.

— Пока ты жив, я буду держать слово.

С того дня Гу Цы каждое утро занимал место рядом с Шэнь Мо, чтобы списать домашку. Сначала сосед Шэнь Мо по парте был недоволен, но по мере того, как в семье Гу все становилось только хуже, Гу Цы начал драться в школе все яростнее, и сосед сам уступил ему место. Так они стали сидеть вместе.

Гу Цы довел свой бунт до предела: побрился наголо, проколол ухо, связался с хулиганами и даже начал прогуливать уроки. Но он никогда не пропускал утренние часы самоподготовки — нужно же было успеть списать.

Он пытался саботировать, красуясь перед Шэнь Мо: мол, я не сдам, и что ты мне сделаешь? На улице он уже успел сколотить собственную банду, стал «главарем» среди шпаны и немного возомнил о себе. Но стоило ему однажды не сдать математику, как Шэнь Мо одним ударом сломал ему переносицу.

Гу Цы сразу стал шелковым. Он и представить не мог, что хрупкий на вид староста обладает такой техникой. Позже он разузнал, что дед Шэнь Мо десять лет подряд был чемпионом страны по ушу. Шэнь Мо и его сестра с детства тренировались под присмотром деда, и их мастерство сильно отличалось от его, «уличного» стиля, основанного на готовности идти напролом.

Как бы он ни распускал руки на улице, перед Шэнь Мо он всегда оставался послушным учеником.

Семь лет спустя Гу Цы поднял голову и посмотрел на Шэнь Мо:

— Господин староста, можно мне закурить?

Шэнь Мо смотрел на него, не понимая, зачем тот постоянно называет его старостой:

— Если я скажу нет, ты не будешь курить?

Гу Цы собрался убрать зажигалку в карман:

— Раз ты сказал нет, значит, не буду.

Шэнь Мо примерно догадывался, почему Гу Цы снова выглядит так, будто весь мир от него отвернулся. Когда они еще учились в школе, его мама-омега плакалась папе-омеге Шэнь Мо на собраниях. Два омеги, даже если одна — железная леди в бизнесе, а другой — университетский профессор, при обсуждении семейных драм всегда заливались слезами.

Им не хватало времени на родительских собраниях, и они продолжали разговоры в кафе до самой ночи. Тогда их забирал отец Шэнь Мо — альфа, по пути подвозя маму Гу Цы домой.

Они долго поддерживали общение, но из-за перевода отца по службе семье пришлось переехать, и связь постепенно прервалась. Тогда отец Шэнь Мо просил его быть с Гу Цы помягче: в неблагополучных семьях дети страдают больше всего.

<http://bllate.org/book/21845/2265076>